

ЭЛЬДАР АХАДОВ

Неслучайные встречи

Булат Окуджава

Виктор Астафьев

Ираклий Андроников

Михаил Казиник

Анна Ахматова

Александр Друзь

Валерий Золотухин

Тимур Зульфикаров

Ирина Апексимова

Сулейман Рустам

Захар Прилепин

Тойво Ряннель

Леонид Юзефович

Елена Кушнерова

Эдуард Русаков

Сергей Кузнечихин

Елена Сусой

Вера Баранова

Эльдар Ахатов

Неслучайные встречи

«Издательские решения»

Ахадов Э.

Неслучайные встречи / Э. Ахадов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936732-7

Книга повествует о неслучайных реальных встречах автора с известными людьми — осенёнными талантом и признанием, успешными в жизни и творчестве. Отличительной чертой каждого рассказа является то, что он основан на личных впечатлениях автора и во многом является свидетельством очевидца.

ISBN 978-5-44-936732-7

© Ахадов Э.
© Издательские решения

Содержание

Елена Кушнерова	6
Михаил Казиник	7
Виктор Селиверстов	8
Тойво Ряннель	9
Виктор Астафьев	10
Валерий Пилипчук	12
Ирина Апексимова	14
Виктор Лапшин	15
Тимур Зульфикаров	18
Валерий Асатиани	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Неслучайные встречи

Эльдар Ахатов

© Эльдар Ахатов, 2018

ISBN 978-5-4493-6732-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Кушнерова

Прошло всего несколько дней, всего лишь несколько дней. А кажется, что все это было так давно. Как давно? На этой же неделе и было – с понедельника по четверг, а сегодня у нас что? Сегодня еще суббота не завершилась... Международный творческий фестиваль «Визит к музам», Грузия, Тбилиси, вторник. В программе проекта «По следам аргонатов» значится: «16.00. Дом – музей художницы Элене Ахвледзиани. Награждение победителей международного конкурса „Гомер“. Концерт Елены Кушнеровой». Последняя фраза несведущим не скажет ни о чем. Но, на мой взгляд, именно этот концерт – и есть главная награда для всех участников международного фестиваля! Любое выступление пианистки Елены Кушнеровой, даже самое коротенькое, давно уже сопоставимо с выступлениями величайших музыкантов мира: таких как Рихтер, Ойстрах, Ван Клиберн или Ростропович. Ибо такое событие в мире музыки воистину равно историческому. Германский музыковед Юрген Оттен (Jürgen Otten) в своей книге «Великие Пианисты Современности» (Die großen Pianisten der Gegenwart. Berlin/Leipzig 2009, ISBN 978-3-89487-530-5) наряду с Лилией Зильберштейн и Елизаветой Леонской называет Елену Кушнерову одной из трёх величайших русских пианисток современности! Известнейший музыкальный критик Харолд Шонберг (1915—2003) из «Нью-Йорк Таймс» незадолго до своей кончины с восхищением пишет, что скрябинский диск Кушнеровой – «это лучшие записи, которые мне известны».

Специально для нее писали свои симфонии, концерты для фортепиано и прелюдии такие всемирно известные композиторы, как Александр Локшин, Зигфрид Матхус, Михаил Коллонтай... Ей восторженно аплодировала публика всех европейских стран, Японии и США. С 2006 года она ежегодно в качестве приглашённого профессора дает уроки фортепиано в Елизаветинском университете (Elisabeth University of Music) в Хиросиме, Япония. Она дала самый северный концерт в истории фортепианной классики – выступила в Гренландии! У нее десятки престижных наград, таких, как Preis der Deutschen Schallplattenkritik 01/1998 за прокофьевский диск (1997); Supersonic Award Pizzicato (Luxemburg) 10/2005 за брамсовский диск (2005); Rosette in Penguin Guide to CDs and DVDs 2003/2004 за баховский диск (2000) ... Счастлив тем, что имел возможность не только слышать ее фортепиано, но и общаться с этой великой пианисткой.

Михаил Казиник

Он выступал в самом большом концертном зале планеты Земля. Сотни тысяч слушателей собрались вместе, чтобы насладиться виртуозной игрой уникального скрипача! И не было ни конца, ни края грандиозному концертному залу, как нет ни конца, ни края Вселенной, излучающей бессмертную музыку Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Брамса, Шопена, Рахманинова... И залом этим служил для Михаила Казиника – весь Мировой океан, а слушали его – сотни тысяч дельфинов – представители великой древней земной цивилизации. Да, такой незабываемый потрясающий день действительно был в его фантастически неповторимой жизни!

Музыкант и искусствовед, поэт и писатель, режиссёр и драматург, эрудит и просветитель – Михаил Семёнович вечно в пути, он объехал десятки стран мира, пытаясь объять необъятное, настраивая души людские на любовь и свет, обнимая музыкой весь род человеческий. Казиник – подданный шведского королевства, эксперт Нобелевского концерта, уроженец Санкт-Петербурга, один из ста людей планеты, удостоившийся чести представлять человеческую цивилизацию перед гораздо более древней и более развитой цивилизацией дельфинов. Приблизился миллениум. Календарь мая пророчествовал о конце света для человечества. У горстки энтузиастов возникла идея спасения духовного, культурного и научного опыта человечества с помощью передачи всей информации на хранение иной величайшей цивилизации – дельфинам. Сто самых выдающихся людей планеты Земля были приглашены на корабль. И вот они добрались до места встречи с дельфинами.

По пустынному лону океана скользил огромный белоснежный катамаран. Косматые волны изредка вскидывали мятежные головы, замечали корабль и вновь исчезали в аквамариновой бездне. На палубе корабля в ожидании чуда, словно вглядываясь во встречный солоноватый воздух, стоял невысокий кудрявый седой человек с улыбающимися морщинками на лице, обветренным временем. В руках у него были скрипка и смычок. И был океан. И волны, и ветер, и корабль... но не было чуда. Но вот зазвучала музыка над волнами. И заискрилось, взмыло к небесам, отражаясь на всем вокруг нечто такое величественное, такое нежное, такое волшебное и человеческое, что все изменилось в один миг! Заволновалась океанская гладь. Сотни тысяч дельфинов от края до края горизонта, как от края до края Вселенной, явились на ней в один миг.

Люди, восхищённые невероятным зрелищем, начали фотографировать и снимать происходящее на видео. В воздухе застрекотали квадрокоптеры с видеокамерами. Они парили над волнами с угрожающим стрекотом, порой опускаясь к самой воде.

Дельфины восприняли всё это, как нечто враждебное, воинственное и угрожающее. Через несколько мгновений океан опустел. Дельфины исчезли. Казалось, что великая встреча двух цивилизаций, которую так долго ждали и так тщательно готовили, едва начавшись, прервалась навсегда.

Разочарованные люди начали расходиться по каютам. Но тут вновь зазвучал скрипичный смычок, он метался по струнам и так отчаянно звал собратьев по разуму, так молил их об этом счастье... что они вернулись. Сто тысяч дельфинов вернулись к кораблю, заслышав зов скрипки Михаила Казиника! Эта подлинная история произошла в канун второго тысячелетия новой эры.

21 апреля 2018 года мы виделись с ним в Москве на Новом Арбате, на 21-м этаже здания, в котором находится его московская квартира. Мой рассказ «Волшебная скрипка» посвящён встрече двух цивилизаций, состоявшейся во многом благодаря гениальной музыке величайших композиторов человечества и скрипке Михаила Казиника, которой поверили дельфины планеты Земля.

Виктор Селиверстов

28.07.2018 по приглашению известного ямальского резчика по дереву и мамонтовой кости Виктора Егоровича Селиверстова я посетил его мастерскую – настоящую сокровищницу изделий из кедра, абачи (африканское дерево), кости мамонта, оленя, лося и других натуральных материалов. Его гостеприимная мастерская часто встречает гостей из разных уголков России и не только. Здесь бывали и норвежцы, и англичане, и шведы, и американцы, и финны... Виктор Егорович – член Международного союза по изучению четвертичного периода (International Union for Quaternary Research, сокращённо INQUA) – главной международной общественной научной организации специалистов по изучению четвертичного периода (последние 2,6 миллиона лет) истории Земли.

Для Виктора Егоровича мамонт – не ископаемое существо, а реальный житель нашей планеты. Несколько часов прошло в увлекательнейшей беседе о качествах мамонтовой кости, о том, как жили мамонты, чем питались, как внешняя среда влияла на их существование и облик. Если захотите узнать о мамонтах, не стесняйтесь спрашивать Селиверстова, он расскажет о них всё.

Иногда мне казалось, что мой собеседник что-то скрывает, что всё-таки он где-то видел живых мамонтов или даже какое-то время наблюдал за ними, находясь неподалёку от их стада. Кстати, последние мамонты вымерли не так уж и давно – всего 3,5 тысячи лет назад, и, к примеру, египетские фараоны ещё были их современниками. Попутно ознакомился я и с целой коллекцией головных уборов из разных стран, которые посетил наш ямальский мастер. В одном из уборов я даже сфотографировался.

По словам Селиверстова мамонтовая кость обладает светлой энергетикой Земли и может служить реальным оберегом. Сообщив об этом, он посмотрел на меня, улыбнулся и, произнеся слово «навсегда», вручил мне фрагмент бивня мамонта. Спасибо, Виктор Егорович, добрейшей души человек: теперь и у меня есть свой мамонтовый оберег. Навсегда.

История мамонтов, конечно, очень интересна, но, вернувшись из гостей, я решил поинтересоваться и историей происхождения уникального человека, занимающегося столь необычным делом, поскольку говорили мы о многом, в том числе и о своих родовых корнях. В частности, Виктор Егорович упомянул, что один из его предков служил до революции 1917 года офицером, а неподалёку от Москвы существует село Селиверстово, имеющее прямое отношение к его роду.

Всё подтвердилось. По сказаниям старинных родословцев 15 века род Селиверстовых происходит от выехавшего из Большой Орды в пору правления Ивана Великого (деда Ивана Грозного) «мужа честна» по имени Феогност, получившего в крещении имя Василий. Его сын Селиверст и стал родоначальником знаменитой в дальнейшем русской фамилии. Богдан Васильевич Селиверстов был воеводой в Ливнах и на Осколе (1596). Афанасий Ермолаевич Селиверстов – воеводой велико-пермским, чердынским и соликамским (1654), Фёдор Афанасьевич Селиверстов – в Рязске (1659), брат его Иван – в Калуге (1678) и Алексине (1682), Яков Фёдорович Селиверстов – в Ядрине (1693). Род Селиверстовых внесён в VI часть родословных книг Тульской и Тамбовской губерний, это древний воинский род, служивший России со времён Великого княжества Московского до советских времён включительно (отец Виктора Егоровича сражался в Великой Отечественной войне, будучи артиллерийским офицером). Фамильный герб рода Селиверстовых внесён в Часть 7 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи, стр. 42.

Тойво Ряннель

Его картины бережно хранятся в собраниях музеев России, в частных коллекциях США, Франции, Германии, ЮАР, Швеции, Японии, Китая и Финляндии. Его «Рождение Енисея», «Горные кедры», «Портрет матери», «Сердце Саян» безоговорочно признаны одними из вершин реалистического изобразительного искусства XX века. Заслуженный художник РСФСР, народный художник РСФСР, почётный академик Российской академии художеств...

Помню, с каким непередаваемым сдержанным финским юмором, хитровато поглядывая на меня (пойму ли?) он рассказывал о том, как ему сообщили о награждении званием народного художника. Позвонили из Москвы, поздравили, он поблагодарил и поинтересовался, мол, если уж народным наградили, то нельзя ли как-нибудь и судимость снять? На другом конце телефонного провода от неожиданности воцарилось молчание, затем пообещали перезвонить.

Дело в том, что Тойво Васильевича угораздило родиться в семье финнов, проживавших в деревне Тозерово Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии в 1921 году. И в 1931-ом всю их семью выслали в Удерецкий район Красноярского края. Так десятилетний мальчик Тойво был наказан советским государством только за то, что родился финном. Всем навеки погребённым в мёрзлую сибирскую землю людям, носившим неугодные властям финские, латышские, литовские и эстонские фамилии, нет точного числа... В Омское художественное училище Ряннеля приняли только по особому разрешению спецкомедатуры. Каково было жить молодому человеку с клеймом преступника неизвестно за что? Его дважды мобилизовывали на фронт в 1941 и в 1943... и дважды отзывали. Не из-за финской ли фамилии? Весьма похоже, что да. Только в 1993 году указом президента России народный художник России Тойво Васильевич Ряннель получил окончательную гражданскую реабилитацию.

У Тойво Васильевича было много друзей-художников и вообще – друзей. О врагах его я ничего не знаю, наверное, их просто не было. Однажды, в 1968 году художники Елин и Балдин оказались вместе с Ряннелем в дивногорской гостинице в компании с Владимиром Высоцким, только что завершившим работу на съёмках фильма «Хозяин тайги». Оттуда все вместе поехали в мастерскую Ряннеля в Красноярске на улице Ленина. Балдин вспоминал, как сделал фломастером рисунок поющего Высоцкого и попросил поэта оставить автограф на нём. Тот сразу же засвидетельствовал на рисунке «Это я!» и расписался. Был прекрасный вечер. Владимир Семёнович много пел, о чём все после долго вспоминали.

Я хорошо помню ту мастерскую, поскольку не раз бывал в ней. Тойво Васильевич не только любил поэзию, но и сам написал немало замечательных поэтических книг: «Капля в море», «Сверкнула пламенем Жар-птица», «Горные кедры», «В кругу друзей», «Тропа через век»... Помню его домашние сибирские пельмени и гостеприимство. А потом он попросил меня что-нибудь прочитать из своего, хотя он это, безусловно, читал, но ему хотелось послушать стихи именно в авторском исполнении. Конечно, и мне это было приятно...

Есть в Финляндии в провинции Уусимаа недалеко от Финского залива город Вантаа. Это родина философа-логика Яакко Хинтика и хоккеиста Микко Коскинена, а также известного финского автогонщика Мики Хяккенина, победителя Формулы-1. Сюда в 1995 году с семьёй, как репатриант, переехал народный художник России Тойво Ряннель. 15 марта 2012 года он скончался в Вантаа. Вечная ему память.

Виктор Астафьев

рассказ «Последний поклон» (воспоминания о В. П. Астафьеве)

«Эльдару Ахадову с поклоном и на добрую память

Виктор Астафьев, 14.02.2000г.»

(надпись на книге)

Мысль записать то, что сохранилось в моей памяти о встречах с Виктором Петровичем, появилась у меня практически сразу же после известия о кончине великого русского писателя. Да, всё никак не мог заставить себя собраться, только теперь, спустя несколько месяцев после похорон...

Каким же он запомнился мне? Весёлым. Его жизнерадостный от сердца открытый смех помню очень хорошо. В декабре 1995 года в помещении редакции литературного журнала «День и ночь» от всей души развеселил его мой застольный рассказ о первом знакомстве с Сибирью. Беседовали мы довольно долго, Виктору Петровичу кто-то пытался напомнить о времени, да он всё отмахивался. Впрочем, я и сам, увлекшись своим рассказом, стгоряча так и не заметил сновавших вокруг нас телевизионщиков. Только после, уже дома – увидел фрагмент нашей беседы с Астафьевым по телевизору. Видимо повествование о моих приключениях пришлось ему по душе: отборного коньячку по ходу дела он улыбаясь подливал сам... Ещё от той нашей встречи у меня сохранилась первая подписанная самим писателем книга.

Помню Виктора Петровича взволнованным и растроганным. Это было на церемонии посвящения в лицеисты одаренных ребят из Красноярского литературного лицея. Вокруг писателя всегда вращались разные люди: чиновники от литературы и просто чиновники, литераторы, которым что-нибудь нужно было от него, просто восторженные поклонники и поклонницы. Быть назойливым – не в моем характере. От того, что ни разу я не навязал ему своего присутствия, непосредственное общение с ним, было для меня бесценным, ибо случалось оно только естественным ненамеренным образом. А в тот раз наши места в актовом зале дома Союза Писателей случайно оказались рядом: он поздоровался и присел справа возле меня. Выступления юных лицеистов, церемония их награждения, посвящение в лицеисты новичков и само вручение ученических билетов ребятишкам – дела, которыми в тот день пришлось отчасти заниматься и самому Виктору Петровичу, всерьёз взволновали его. У него было доброе отзывчивое сердце...

После того, как молодежь ушла, на чаепитии с Виктором Петровичем осталось несколько красноярских писателей и педагогов литературного лицея. Были Михаил Успенский, Сергей Задереев, Марина Саввиных, ещё несколько человек. Рассказывал он тогда о том, как разные политически ангажированные местные и московские организации постоянно обращаются к нему с просьбами высказаться по тому или иному событию, поддержать их позиции, и о том, как он устал от всего этого, постоянно отказываясь участвовать в этих сиюминутных играх...

Ещё помню великого писателя огорченным до глубины души после заседания писательской организации, на котором как-то разом вылезли наружу все накопившиеся противоречия, взаимные обиды, обнаружился раскол в писательских рядах...

Виктору Петровичу было уже нелегко ходить. Он вышел, опираясь на палочку, встал перед всем обществом и в качестве аргумента против раскола организации зачитал отрывок статьи Валентина Курбатова. Я помню его резкий и гневный голос в тот вечер.

А ещё я помню Астафьева одиноким. Это было после торжественного праздничного концерта в Большом Концертном Зале города. Концерт был посвящен двухсотлетию со дня рождения другого великого русского писателя и поэта – Александра Сергеевича Пушкина. В зале

присутствовали потомки Пушкина со всего мира, было множество людей из местной и приезжей культурной элиты общества, руководители города и края. И вот по окончании действия, когда народ стал расходиться, получилось так, что я поотстал от схлынувшей уже из зала толпы, увлекшись беседой с одним из потомков Александра Сергеевича, приехавшего из Иркутской области. В холле было уже наполовину пусто, когда я неожиданно для себя заметил впереди одинокую фигуру опирающегося на трость, медленно и тяжело идущего пожилого человека. Это был Виктор Петрович Астафьев. Помню, как поразила меня эта одинокость, тем более удивительная при том обилии людей бомонда и временщиков разного толка, которые постоянно вились вокруг!.. Никто не предложил ему помощи, никто вроде как... не заметил его! При том ажиотаже вокруг его имени, который ощущался все время, это было невообразимо, но... Он был ОДИНОК. И ни одна живая душа этого не заметила в тот ликующий праздничный день.

Помню нашу с ним короткую беседу в день Победы. Мы сидели рядом на одном бежевом диване в кабинете председателя писательской организации. Он пригубил вина за ту самую Победу, за которую заплатил когда-то собственной кровью, и сидел, тихий, задумавшийся о чем-то, о своём...

Все знали, какую тяжелую борьбу вел он в то время со своими болезнями, как держался на одном только своём несломленном великом духе. Мне захотелось как-то приободрить, поддержать Виктора Петровича. Я спросил у Астафьева насколько интересно ему жить в нынешнее время, когда каждый день приносит что-то новое в жизнь общества, страны и мира в целом. И вдруг услышал в ответ совсем не то, что ожидал... «Нет,» – сказал Виктор Петрович, – «Всё уже было в моей жизни и ничего интересного или нового, кроме давно мной ожидаемого и предвиденного не будет. Одно только меня радует по-прежнему: Это когда солнышко утром восходит и птички поют...» И столько было мудрого спокойствия в этих его словах, что запомнились они мне с той поры на всю жизнь.

Я не знаю: читал ли Виктор Петрович мою книгу, которую я передал его супруге Марии Семёновне, заглянув однажды в их всегда гостеприимный дом в Академгородке. Надеюсь, что успел полистать, Он тогда лежал в больнице после очередного кризиса. Мария Семёновна поблагодарила меня, участливо спросив о трудностях с финансированием издания поэтических произведений. А книга называлась – «ВСЯ ЖИЗНЬ», в память о той нашей беседе с Виктором Петровичем.

Валерий Пилипчук

рассказ «Меценат»

Памяти заслуженного художника России

Валерия Александровича Пилипчука

посвящается

У одного художника всегда была мечта: делать для людей что-нибудь хорошее. Он очень старался, постоянно так и делал, как мечтал. Наверное, поэтому и картины у него получались просто замечательные: яркие, сочные, звёздные, солнечные, в общем, от души рисовал.

Для всех посетителей в мастерской художника был небольшой закуток, где на полочке виднелись пакетики с чаем и баночка кофе, на столе в вазочке лежали разные сладости, а в уголке шумел горячий маленький настоящий самовар.

Людам его работы нравились. Все их нахваливали, только редко покупали, потому что одни, у кого деньги были, жалели денег на покупку, не специально из-за художника, а традиционно, потому что жлобы, а у других – денег всё равно не было, поэтому они приходили в мастерскую не для покупок, а чтобы попросить займы хоть сколько-нибудь.

Художник займы всегда давал, если было с чего давать. А если не было, то он очень стеснялся, до утра пил кофе и рисовал, чтобы забыться в работе...

А рисовать он очень любил. С детства. Даже теперь, когда у него была солидная жена, взрослые дети и любящие непослушные внуки, – каждый раз, начиная новую работу, он казался себе маленьким робким мальчиком возле большого чистого холста, на котором всё уже правильно нарисовано невидимыми красками, и ему остается только разглядеть их и повторить. А то без художника другим ничего не видно.

Однажды, в картинной галерее на художественной выставке к нему подошла невысокая бойкая женщина-блондинка на туфельках с каблучками-шпильками и тут же начала громко восхищаться его работами и щебетать что-то восторженное на весь зал. Художнику сразу стало как-то неуютно от этого. Искоса поглядывая по сторонам, словно пытаясь куда-нибудь спрятаться, он терпеливо сносил дифирамбы. И тут в сторонке живописец нечаянно заметил худенькую девочку лет десяти-двенадцати со странным взглядом. Все вокруг ходили, разглядывая картины, висевшие по стенам, а девочка стояла посреди зала и, казалось, старательно всматривалась в пустоту вверху впереди себя.

«Ой, извините!» – внезапно прочирикала женщина – «чуть ребёнка не забыла из-за Ваших картин! Диночка, подойди сюда! Это моя доченька Диночка! Диночка, а это дядя художник, поздоровайся! Это он тут всё вокруг так красиво разрисовал! Здоровайся, деточка! Ну, же!...»

Девочка со странным взглядом в пустоту, продолжая, полуочнувшись, улыбаться кому-то сквозь художника, произнесла «здравствуйте». Её мама рассказала, что Дина – незрячая от рождения, но что она всё тонко чувствует и даже пишет стихи. Дина хорошо читает по системе Брайля (есть такая система чтения – пальцами по выпуклостям на плотной бумаге). Её мама иногда распечатывает Динины стихи, чтобы кто-нибудь ещё мог их прочитать. Про книжку стихов, увы, мечтать не приходится: очень-очень-очень дорого, не по карману...

Как же так, заволновался художник, должны же отозваться добрые люди, меценаты какие-нибудь, в конце концов. Женщина усмехнулась: «Давайте оставим сказочки о щедрых меценатах на совести наших газетчиков и телевизионщиков. Вы просто не представляете, в какие только двери я не стучалась! Бесплезно и бессмысленно. А даром сейчас никто ничего не печатает, ни одна типография, ни одно издательство».

Художник все-таки выпросил у Дининой мамы рукопись её дочери. Так. На всякий случай. Конечно же, никакого всякого случая не произошло. Стоимость изготовления книжки Дининых стихов, увы, многократно превышала возможности кошелька живописца.

Всё же он никак не мог успокоиться, особенно, когда в перерывах между работами начинал перечитывать звонкие, чистые, волшебные, детские Динины строчки. Слепая девочка так ярко, сочно, звёздно-солнечно описывала мир природы, с такой легкостью и глубиной рассказывала стихами о переживаниях души человеческой, что временами художнику казалось, что это её стихами говорят его собственные картины.

И вот, однажды, настал день, когда художник позвонил Дининой маме и пригласил их с дочерью вечером в ту же картинную галерею, где они встретились в первый раз. Они приехали. В галерее, начиная с самого входа, было очень много народу. Динина мама растерянно смотрела, как взрослые люди ходят по пустым залам и тихо переговариваются, а в руках у многих – новая, только из типографии, Динина книжка стихов!

– Милый, дорогой, золотой Вы наш! Спасибо огромное! Спасибо, родненький! Как же, как же Вам удалось это сделать? Кого Вы нашли? Какого мецената? Кому в ножки кланяться?

– Да, ладно, Вам. Что ж Вы плакать-то сразу? И не надо никому в ножки кланяться. Всё нормально. Здравствуй, Дина! Как себя чувствуешь?

– Как же не надо? Есть, значит, у нас люди добрые! Господи, есть!.. А я-то, глупая, думала... Зря только обижалась на людей. Кстати, где Ваши картины? Это ведь Динина презентация? Сейчас бы нам Ваши картины по стенам очень бы даже не помешали. Жаль, что их нет. Наверное, у Вас теперь выставка в другом городе?

Художник засмутился, поправил очки на носу, промямлил в ответ что-то невнятно-туманное, потом как-то смешно чихнул и вдруг, извинившись, отошел куда-то, как будто его позвали.

– Мама, мамочка, – тихо-тихо сияющим голосом произнесла Дина, сжимая мамину руку, – неужели ты не догадалась? Ведь это всё – его картины, мама...

И она дотянулась, дотронулась наощупь до стопки своих новеньких книжек на столе, где у дальнего края деловито шумел маленький пузатый самовар.

Ирина Апексимова

Случилось так, что в канун Третьего Пушкинского поэтического марафона, организованного директором Театра на Таганке Ириной Викторовной Апексимовой, мы списались с ней в интернете. «Эльдар, с удовольствием послушаем Вас. (...). Если найдете для себя возможным (...) – будет прекрасно», – сообщила мне Ирина Викторовна четвёртого июня 2015 года. А в ночь с 6-го на 7-ое в Москве в саду «Эрмитаж» мы познакомились уже в реальном мире, и я прочитал своё стихотворение из пьесы «Вызов», посвященное дню рождения поэта.

Ирина Викторовна произвела на меня неизгладимое впечатление. Гостеприимная хозяйка вечера, она, словно бабочка, порхающая с цветка на цветок, успевала перемещаться от столика к столику с горящими свечами, общаясь на лету с каждым приглашённым гостем. В романтическом полумраке ночи сияли огоньки свечей и звучали волшебные пушкинские строки.

В детстве Ирина мечтала стать певицей. Окончила музыкальную школу по классу фортепиано. Позже – пошла учиться в специализированный театральный класс общеобразовательной средней школы. Окончила школу-студию МХАТ (мастерская Олега Табакова) и до 2000 года работала в московском художественном театре имени А. П. Чехова. Затем училась на спецкурсах современного танца во Флоридском университете (США), в актёрских школах Нью-Йорка и Лондона. Она всегда любила учиться и познавать новое.

Неисчерпаемое трудолюбие Ирины Викторовны, её актёрское дарование и преданность театральной сцене нашли своё отражение в десятках сыгранных ролей. Лаура и Марина Мнишек из пушкинских «Маленьких трагедий» и «Бориса Годунова», Софья из грибоедовского «Горя от ума», Титания из шекспировского «Сна в летнюю ночь», Королева из «Беги, Алиса, беги» по Льюису Кэролу, эти и множество других блестящих образов, созданных ею на сцене, навсегда останутся в памяти благодарных зрителей. Невозможно не упомянуть хотя бы несколькими строками её работы в кинематографе: «Диссидент», «Октябрь», «Ширли-мырли», «Му-му», «Святой», «День рождения Буржуя», «Северное сияние», «Есенин», «Сыщик Путилин», «Книга Мастеров», «Генеральская внучка», «Игра в правду»...

В марте 2015 года Ирина Викторовна Апексимова стала директором Театра на Таганке.

Наша встреча в ту пушкинскую ночь произошла и внезапно, и как бы случайно. В тёмном изысканном платье одна среди перемещающейся толпы, прислонившись к деревянной стойке навеса, она стояла с изящным хрустальным бокалом красного вина в тонкой руке. Конечно же, я сразу узнал её, поскольку видел это лицо на экране бесчисленное количество раз. Это естественно. Удивительно другое, то, что и она узнала меня сразу, улыбнулась и тут же безошибочно назвала по имени...

На прощание мы сфотографировались на память, но снимок получился не очень удачным, и я сделал коллаж из двух других наших фотографий той летней сказочной ночи Эрмитажа и пушкинского гения. Этой весной мы собирались увидеться на моём лермонтовском вечере в Москве, но этого не случилось: Ирина Викторовна была ведущей концерта в Кремле, оба наших мероприятия начинались одновременно.

Сказать, что она – известная популярная российская актриса и режиссёр театра и кино, что она – театральный и общественный деятель, певица и телеведущая – очень и очень мало. Поэтому добавлю от себя: это очень талантливый человек, очень отзывчивый и внимательный к другим, ну, и конечно, обладающая неисчерпаемым обаянием красавица...

Виктор Лапшин

*Посвящается памяти Виктора Николаевича Лапшина –
главного врача красноярского родильного дома номер четыре.*

Этой ночью снился мне странный сон... Огромные-преогромные врата посреди неба. Резные, вроде как из наиценнейших пород деревьев: и черного, и красного, и коричневого, и белого, и желтого – всех цветов и оттенков, какие только бывают. Резьба искусная, тонкая, всё до самых мелких деталей разглядеть можно: тут и виноградные лозы с гроздьями, и львы рычащие, и медведи, и зайчики, и птички поют, и леса широкие, и реки текущие, и горы высокие, дальние, серебристые... Стал я вглядываться: а оно всё живое и есть! Шевелится, дышит, ветрами шумит...

А перед вратами теми облака белоснежные клубятся, и выглядывают из них отовсюду, как из кустов, малыши-ангелочки. Видно, что много-много их там. Выглянут и снова прячутся.

– Да, что ж это делается, куда вы поразлетелись, поразбежались-то опять, а?! Ну-ка, быстро сюда! Эй, малышня! Хватит копошиться, в кошки-мышки играть, а то я сейчас уже рассержусь!

Громыхая зычным голосом, прохаживается вдоль врат насуспенный здоровенный дядька с широкой стриженной бородой и зорко посматривает на ребятню. Раз! Ухватил одного, который зазевался, приоткрыл врата и подбросил его легонько туда. И полетел малыш, ревя и посверкивая крылышками, полетел на землю, в новую свою жизнь...

Чей же это голос был? Знакомый же, а вот спросонья не разберу никак.

– Ах, вы курвы такие! И как это вам на ум такое взбрело! Уволю! Завтра же заявление на стол и вон из роддома в... дальнюю даль! Кольца, серьги нацепили, косметики килограмм на рожи свои бесстыжие! Это ж родильное отделение, а не бордель! Совсем ума нет!!! Какие вы медработницы?! Бабё натуральное! В родильном отделении всё должно быть стерильно! ... Вам же русским языком сказано было!

Разъярённый главврач Лапшин выпроваживает из родильного двух дамочек в халатах. Обе в слезах. Новенькие. А ведь действительно говорил он им обо всём при приеме, предупредил, но дамы видимо решили, что указания местного начальства можно корректировать по своему усмотрению. Ошибочка вышла. У Лапшина с этим строги. Не порезвишься.

Вот он большой, как самовар, стоит со стаканом горячего чая перед окном в своем кабинете и смачно ругается уже по другому поводу. Лапшин – в матерщине мастер уникальнейший. Как закатит «соловьиную руладу» – залюбуешься разнообразием могучего русского языка. Сколько же в нём нюансов и коленцев неведомых кроется!

Мат я как бы пропуская, но в остальном смысл произносимого примерно таков:

– Вот же какие девчонки нехорошие, нехорошие, совсем очень нехорошие! Это ж надо! Я их только что в туалете поймал курящими, нехорошие они такие, и выпроводил на нехорошо! Их, нехороших, сюда на сохранение привезли, обеим семнадцати нет, вместо мозгов одно нехорошее, а они, глянь, курят, стоят за уличными дверями! Нехорошо! Нехорошо, нехорошо! Попростужаются же, нехорошие такие девочки!

Какие из них будущие матери? Как они детей растить будут? У обеих на локтях синё, поистыкано уже с такого возраста, да и по глазам нехорошим видно, чем занимались.

Вот эта, нехорошая такая, отказную хочет написать на младенчика своего. Ещё не родила, а уже отказывается, ах, какая же она нехорошая матушка!

Девушки в махровых халатах с большими выпирающими животами тем временем накурились, намерзлись на осеннем ветру у порога роддома и, разговаривая друг с другом, вальяжно зашли обратно. Им-то не слышно...

В роддоме номер четыре обычного сибирского города, в котором служил врачебную службу главврач Лапшин, пусть было также бедно, как и везде у бюджетников, но, по крайней мере, чисто и ответственно по отношению к роженицам и малышам.

Здесь невозможны были ситуации, чтобы женщину в предродовой оставили одну, чтобы кому-то сделали кесарево сечение и забыли убрать послед, чтобы шов на матке нечаянно подшили к тканям мочевого пузыря, чтобы кого-то случайно заразили лишаем или чем-то ещё, чтобы родившую вывезли в коридор и оставили там на полдня зимой под открытым окном, чтобы кормящим матерям давали гороховый суп или салат с огурцами, чтобы посетители проходили прямо в палаты в верхней одежде и грязной уличной обуви...

Вроде бы так и должно быть, но если честно, без вранья: всегда ли и везде ли у нас по жизни есть то, что должно быть?

Да, Лапшин ругался, да, устраивал жуткие разносы персоналу, если находил за что. Да, в райздраве он вырывал «свое» для роддома, за каждую бюджетную строку боролся до последнего, и потому всегда был «неудобным» для любого начальства. Начальство его, естественно, не любило, но, хотя придраться, чтобы уволить, у нас можно и к забору, Лапшина не увольняли, потому что охочих на его место почему-то всякий раз не находилось. А ещё потому, наверное, что у роддома Лапшина были самые низкие показатели детской смертности и заболеваемости во всем регионе.

Лапшин любил порядок на своём «корабле». Однажды, по какой-то сантехнической причине поздно вечером сломался душ. Ну, как в роддоме без душа? И работники районного ЖКХ, попытавшиеся сопротивляться отговорками про то, что «давайте, утром разберемся», познали на своей шкуре смысл выражения «вальпургиева ночь». Слово за слово и – Лапшин учинил им драку. В самом прямом смысле. С приездом милиции и прочими разборками. Тут уж все думали, что его уволят...

И случилось-таки два чуда. Первое: к трем часам ночи душ работал как часы. Второе: Лапшина оштрафовали, лишили премий, дали строгий выговор, сделали наипоследнейшее предупреждение, но главное... всё-таки оставили на работе.

А вот он коллег щадил не всегда. Раз довелось ему услышать в операционной, как молодой ассистент смачно называет кричащего, только что родившегося красного младенца кусочком мяса. Через два часа мрачный, как осенняя туча, Лапшин в своем кабинете нарочито вежливо предложил юноше написать заявление об увольнении по собственному желанию. Никакие извинения приняты не были.

– Молодой человек, нам с Вами не по пути, у нас тут есть только люди. Большие и маленькие. А мясо ищите, юноша, в мясных лавках. Мы не сработаемся. Прощайте...

У главврача, который кроме всего прочего еще и сам частенько принимает роды и делает операции, свободного времени не бывает. Но если каким-то чудом оно возникало, то помимо общения с семьей, где его с радостью ждали жена, дочка и маленький внучок, любил Лапшин подремать с удочкой где-нибудь на озерке или речке, коих в сибирских краях превеликое множество.

Ну, и выпить дома, как всякий русский, он мог, конечно. Иногда. И закусить, естественно. И неплохо закусить, поскольку и жена, и дочка готовили отменно. С годами, к сожалению, стал одолевать лишний вес. Перешел на диету. Шутил, что вместо ожидаемого похудания живота первым похудело то, что поправилось последним – лицо. Из спиртного в кабинетном сейфе всегда имелся хороший коньячок. Нет-нет, сам Лапшин на работе никогда не употреблял, исключительно для гостей...

Никто ни разу не видел его плачущим. Лишь однажды, после многочасовой борьбы за жизнь новорожденного, когда врачам пришлось всё-таки отступить, из операционной громяхая матами на всю больницу, вышел в коридор усталый Лапшин с еще неснятой повязкой на лице. Он кричал и грозил неизвестно кому, потрясая немойтой окровавленной перчаткой... а глаза его над повязкой как-то странно влажно блестели и такая неизбывная боль в них была, словно ушел из жизни не маленький безымянный чужой человечек, а кто-то очень родной и близкий.

Что могло стать последней истинной причиной его ухода – так и осталось неизвестным, может быть, вся эта дёрганная, взбалмошная, какая-то неправильная жизнь, но в пятьдесят три года сердце Лапшина остановилось...

Прощание с доктором Лапшиным проходило в огромном зале местного Дворца культуры при громадном стечении народа. Пол возле покойного был покрыт алыми цветами вровень с гробом, в котором лежал вроде он, а вроде уже и не он, черты лица его заострились, и исчезло с них то, что делало его знакомым громяющим Лапшиным.

Более же всего поражало воображение количество детей, пришедших на прощание со своим первым в жизни Главным Врачом. Их были многие и многие тысячи, их невозможно было сосчитать и даже увидеть всех сразу... Кого-то вели за ручку, кого-то везли в колясках, но были и те, кого просто несли на руках...

– Мама, а кто это такой там лежит?

– Дяденька Лапшин, сынок.

– А зачем мы здесь, мам? Тут так тесно, столько народу...

– Сейчас пойдём, сынок. Попрощаемся с доктором и пойдём, потерпи.

– А он что: уезжает куда-то?

– Да, сына, уезжает...

– И куда? В Африку?

– Дальше, сынок, далеко-далеко, там его ждёт много-много детишек, которым он должен помочь. Он уходит для того, чтобы они появились на свет... и пришли к нам...

Тимур Зульфикаров

Тончайшая вязь слов, то серебрящихся при свете луны, то ручейками золота сверкающих при солнечном, словно прозрачная многорукая лиана обвивает звенящее от любви пространство жизни. И течёт, вьётся, пульсирует, достигая неведомых прежде глубин сердца человеческого...

Мог ли знать я, зачитываясь когда-то историями о Ходже Насреддине, что однажды встречу и подружусь с их потрясающим автором – Тимуром Касымовичем Зульфикаровым... Поэт, странствующий во всех временах и во всех мирах, принадлежащих Господину миров и времён, звезда первой величины, сияющая на небосводе поэзии... Его дух свободно перемещается в струящихся песках времени среди бескрайних барханов, громоподобных гор и дымящихся радужных водопадов.

Ловец искрящихся звёзд, он вглядывается в дрожащие огни дальних ночных городов и деревень сквозь жемчужные облака воображения и беседует с великими тенями минувшего: с Тимур-и-ленгом, с Иоанном Грозным, с ребёнком по имени Иешуа, с мальчиком Мухаммедом (да благословит его Аллах и приветствует!)...

Однажды в юности я узнал о нём от своего приятеля по имени Леонид (а было это почти сорок лет назад!), и с тех пор тайная мечта встретиться с ним, увидеть его воочию, услышать эту удивительную суфийскую речь мудреца и поэта – не покидала меня всегда и всюду.

И чудо всё-таки произошло! Через множество лет в гигантском городе, именуемом им Москвававилон, мы встретились...

Я услышал песни и стихи, произносимые им просто и торжественно, как и подобает устам шах-ин-шаха поэзии. Слуху моему и моим глазам предстали бесценные сокровища мысли и бездонные кладези чувств.

«Если жившему до нашей эры Катуллу вы покажете стихи Ахматовой, он поймет. Но он ничего не разберет, взяв в руки новомодный модернистский сборник, агрессивный и разрушительный. Подлинная литература – та, в которой есть золотой песок вечности, о чем тоскует все мировое искусство. Как пустыня, представляющая необъятную тоску песка по крупичкам золота. Это то, что прочтут наши внуки, правнуки. Конечно, к Борхесу, Маркесу, Фолкнеру, Шолохову, Пастернаку госпожа Слава пришла при жизни. Теперь же она стала блудной девой, и ее покупают за деньги. Но не настоящую, настоящая за деньги не ходит. Она любит ходить за гробом. Слава – солнце мертвых,» – поведал мне однажды Мастер.

Его книги изданы миллионными тиражами. На Западе его именуют «Данте русской литературы». Дервиш? Мудрец? Волшебник? Суфий? Мыслитель? Странник во времени? Да. Всё так. Всё – верно.

Валерий Асатиани

Представьте себе огромный зал с выходом в сад, с длинными столами, покрытыми белоснежными скатертями, за которыми сидит множество шумного празднично настроенного народа – и стар, и млад. Столы эти ломятся от яств, от фруктов и бокалов, наполненных благородным грузинским вином. По стенам зала в любую его сторону висят телевизионные мониторы, транслирующие самые музыкальные фильмы о Грузии – «Хануму» и «Мелодии Верийского квартала» с Софико Чиаурели и Вахтангом Кикабидзе. Но самое интересное происходит не на экранах, а на широкой площадке перед столами: там под раздольное хоровое грузинское пение танцоры в красочных национальных костюмах исполняют самые любимые местной публикой грузинские танцы. И звучат песни. И льётся страстная и торжественная музыка. Это место в Тбилиси называется «Мухамбази». Здесь всё щедро пронизано грузинским духом. Так грузинская земля приветствовала только что прибывших участников проекта «По следам Аргонатов» и международного творческого фестиваля «Визит к Музам»!

В зал стремительно входит высокий статный мужчина с букетом цветов в руках. Он в рубашке навыпуск – в стиле свободного художника. Это – Валерий Ростомович Асатиани. Букет – для именинницы. Так совпало, что именно сегодня – день рождения Ольги Цотадзе, одной из организаторов международного форума. За столом оживление – многие гости знакомы с Асатиани по предыдущим фестивалям, проходившим в Греции. Шутки, вопросы, воспоминания за столом нескончаемы, как, разумеется, и традиционно обильные красочные многоречивые грузинские тосты...

На следующее утро нас ждала новая встреча с Валерием Асатиани – доктором классической филологии и византистики, профессором Тбилисского государственного университета. На этот раз – в зале ассоциации «Диалог культур», президентом которой он является. Блестящий оратор и знаток древнегреческого языка, Валерий Ростомович из уважения к времени собравшейся публики зачитывает лишь наиболее значимые фрагменты своей научной работы, посвящённой античности, Византии и грузинской культуре в свете бесчисленных мифов и легенд о походе Аргонатов в Колхиду. Он справедливо ожидает и от присутствующих внимания к своему труду, и потому, когда кто-то начинает переговариваться во время чтения, несколько раз делает многозначительные паузы, возвращаясь к чтению лишь тогда, когда сторонние шёпоты смутившись умолкают. Выступлениям других участников он слушает самым тщательным образом, так, словно ему действительно интересно каждое слово, произнесённое в зале...

Возможно, в этом проявляется его богатейший опыт. Валерий Ростомович дважды за свою жизнь работал министром культуры Грузии. В общей сложности – десять лет! Первый раз – ещё в советское время – при Патиашвили с 1985 по 1990 годы. Вторично его пригласили в грузинское правительство при Шеварднадзе – с 1995 по 2000 годы. Что касается культуры Асатиани убеждён в том, что несмотря на всю критику, именно на времена СССР, на 70-80-е годы приходится пора подлинного ренессанса грузинского искусства.

Разумеется, множество значимых событий в новейшей истории и культуре Грузии произошло и в более близкие времена. Все их совершенно невозможно перечислить, но нельзя не упомянуть хотя бы о таких, как установление места захоронения останков величайшего святого – Максима Исповедника в Лечхуми, Цагери, у крепости Мори и издание в Англии шедевров Галактиона, переведенных на английский основателем Тбилисской школы Байрона Инессой Мерабишвили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.